

В ВЕРХНЕЙ БИРМЕ

Ю. ЛУГОВСКОЙ

МЫ ПРЕОДОЛЕВАЕМ последние ступени длинной крытой лестницы, сложенной по склону большого холма, и, с трудом переводя дыхание, оглядываемся. Теперь над нами лишь причудливо изогнутые крыши храма да орлы, парящие в бездонной синеве неба. Большой каменный Будда широким жестом правой руки указывает вниз, в долину. Открывающийся отсюда вид вознаграждает за трудный и продолжительный подъем. На востоке в синей дымке зубчатой грядой высятся Шанские горы, с другой стороны блестит широкая гладь реки Иравади. Внизу, в долине у подножия холма, раскинулся большой город, украшенный золотыми шпилями пагод. Это — Мандалай, второй по величине город Бирмы, насчитывающий 180 тысяч жителей. Погруженный в дремотную полуденную истому, он как бы живет воспоминаниями о былом величии.

Мандалай известен как носитель древних национальных традиций бирманского народа, хотя город совсем недавно отпраздновал свое первое столетие. Такое на первый взгляд парадоксальное обстоятельство имеет весьма несложное объяснение — Мандалай вырос по соседству с древними, пришедшими ныне в упадок столицами — Авой, Сагаингом и Амарapura — и стал их прямым наследником.

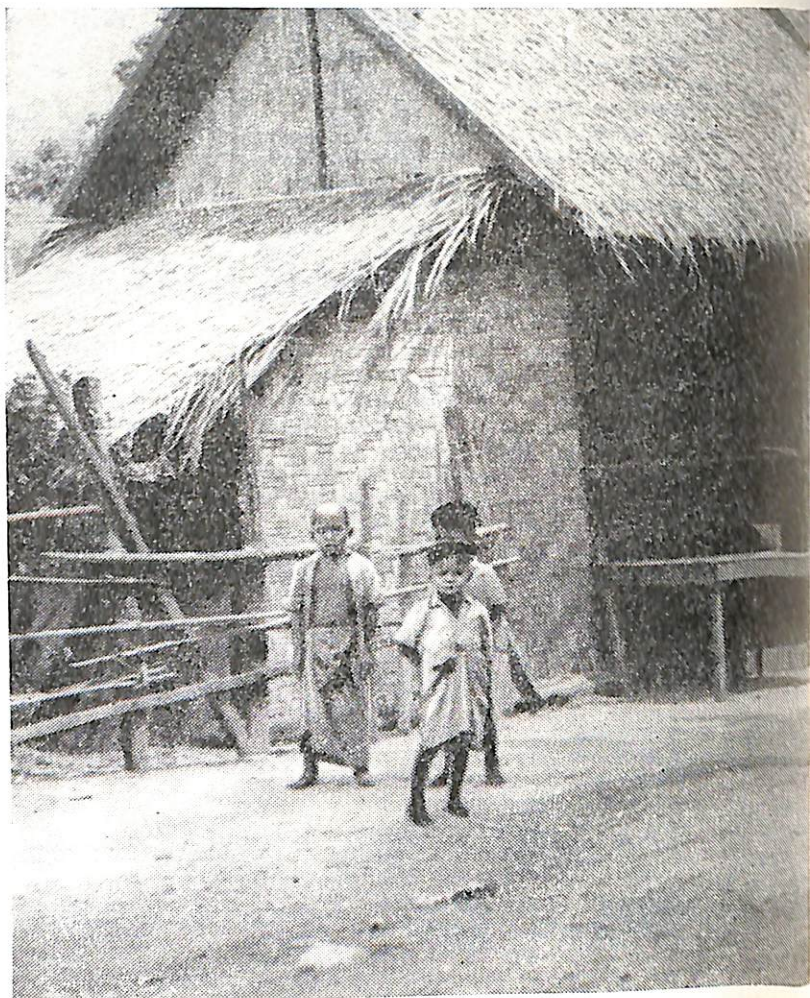
Смешение эпох наложило свой отпечаток на облик города. С вершины холма хорошо видны геометрически четкие линии кварталов, улицы сходятся на перекрестках под прямым углом. В этот современный городской рисунок искусно вписаны древние храмы.

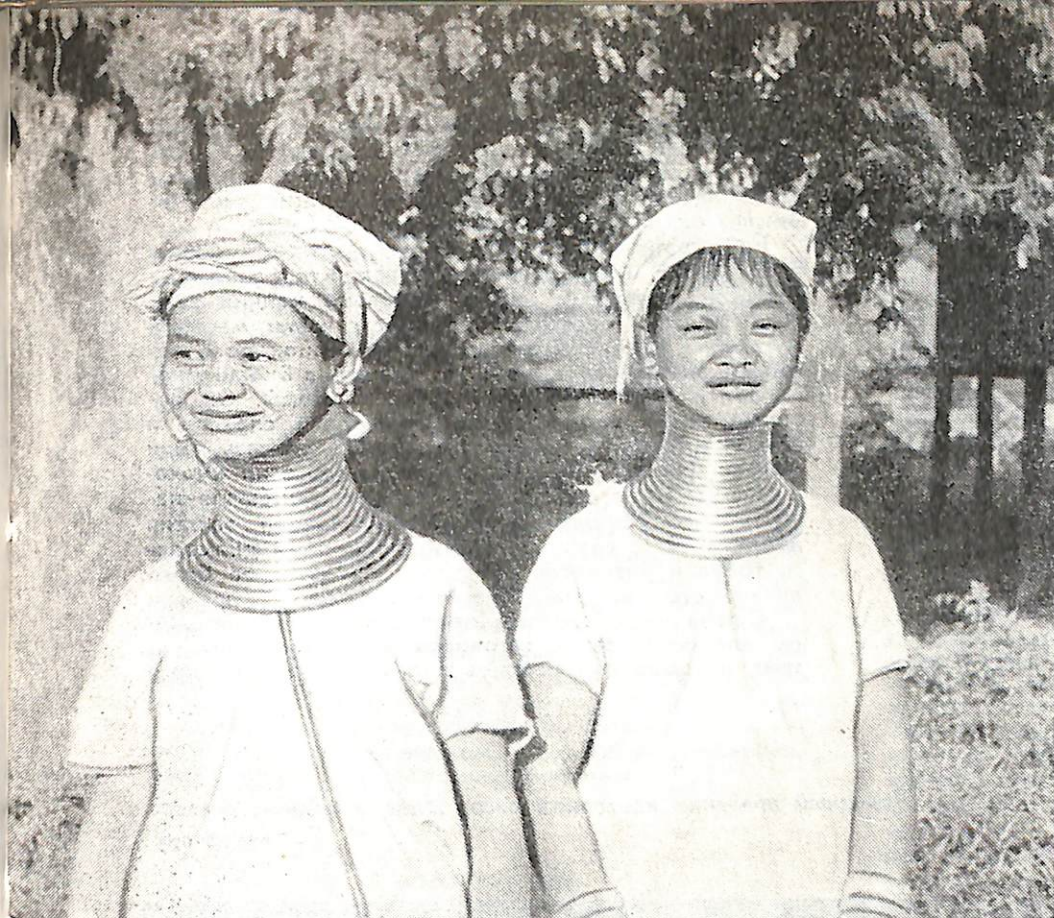
ГРОЗДИ ДРАГОЦЕННОСТЕЙ

Пока мы спускались с холма, наш проводник-бирманец рассказал, что на востоке Мандалай называют часто «гроздью драгоценных камней». Это название ожило в памяти, когда я побывал в пагодах и храмах города. В пагоде «Золотой вороны» есть закованная в стальную решетку дверь. Как нам объяснили, ее открывают лишь несколько раз в год — в особо торжественных случаях или для почетных гостей. На этот раз массивную дверь, которую днем и ночью охраняют вооруженные стражники, открыли для посланцев Советского Союза. А скрывается за нею поистине сказочная пещера сокровищ. Здесь собраны скульптурные изображения Будды и предметы культа из нефрита, янтаря, слоновой кости, серебра и золота, усыпанные алмазами, сапфирами, рубинами, изумрудами, александритами, жемчугом. В соседнем храме Ма-

хамьямуни при свете свечей тускло поблескивает огромное изваяние Будды. За долгие годы руки верующих прилепили к нему бесчисленное количество пластинок золотой фольги. С течением времени статуя обрастала все новыми и новыми слоями золота, и ее формы существенно изменились. Лишь бронзовое лицо божества, к которому нельзя прикасаться, хранит извечную, загадочную улыбку.

С этими черноголовыми мальчишками мы познакомимся в деревне под Мандалаем.





У девушек племени пандунг, живущего в княжестве Монгпай, в «моде» длинные шеи.

У выхода из храма мы сели в повозку, и маленький пони резво повез нас по знойным, пыльным улицам города. В толпе выделяются монахи в оранжевых тогах. Большие красные зонты прикрывают их бритые головы от палящих лучей. Не реже, чем монахи, попадаются навстречу вооруженные солдаты в стальных касках. На северо-восточной границе Бирмы всегда тревожно. Там в горах все еще орудают банды чанкайшистов, засланные с баз СЕАТО.

Самое оживленное место в городе — базар Зейджо. Длинными рядами выставлены здесь для продажи зонты и сандалии, чеканное серебро, изделия из дерева, мрамора и слоновой кости, которыми славится деревня Ятаунг. Яркими красками переливаются ткани из Амарapura. Далеко по городу разносится пряный аромат фруктов — бананов, ананасов, манго, лиджи и других диковинных плодов, которым нет названия на русском языке.

У СТЕН МАНДАЛАЙСКОЙ КРЕПОСТИ

Но вот мы в центре города, у широкого рва, на водной глади которого тихо покачиваются широкие листья лилий. По ту сторону рва — зубчатые крепостные стены с высокими сторожевыми башнями, увенчанными остроконечными деревянными шатрами. Перейдя по мосту через ров, мы миновали ворота. На минуту кажется, что они ведут в далекое прошлое. Стены мандалайской крепости были по-

строены, чтобы надежно защищать трон и дворец бирманских королей от любых превратностей судьбы. Увы, высокие стены — это, пожалуй, и все, что осталось от крепости. Дворец был разрушен японскими бомбами и сгорел во время второй мировой войны. Сохранился лишь бассейн с пересохшими фонтанами, где купались принцессы, да ветхая часовая башня. Повсюду мы видели следы трагедии, разыгравшейся под крепостными стенами Мандалая 76 лет назад, трагедии, которая навсегда сохранится в черной книге позорных преступлений колонизаторов. Ее историю, рассказанную едва ли не единственным оставшимся в живых очевидцем, известным бирманским поэтом и общественным деятелем Такин Кодо Хмаингом, я вспомнил, когда осматривал руины.

Маленьким мальчиком пришел Кодо Хмаинг в Мандалай. К тому времени весь юг страны был захвачен англичанами. После двух войн они заключили перемирие с королем, что не помешало им коварно нарушить его в 1885 году. Английские войска двинулись вверх по Иравади в поход на Мандалай. Вооруженная мечами, луками и примитивным огнестрельным оружием, бирманская армия оказывала превосходящему в силах противнику упорное сопротивление. В 13 милях от Мандалая, в Сагаинге, и сейчас можно увидеть развалины крепости, которую обороняли патриоты; местность вокруг нее усеяна могилами английских солдат. Но силы были неравными. Вскоре военные корабли захватчиков, высадив десант в порту Чжовеин, подступили к стенам мандалайской крепости, и она пала. Король был взят под стражу, а дворец и окружавший его город разграблены английскими солдатами. Пример к этому подал их командир — полковник Слейден, который похитил личные драгоценности королевской семьи, оцененные впоследствии в 60 тысяч фунтов стерлингов. Он же приказал захватить всю казну и реликвии и отправить «трофеи» в Лондон. Весьма плачевная участь постигла также храмы и пагоды. В одном из них — храме Атумаши — английские солдаты выкрали огромный бриллиант, вставленный в лоб изваяния Будды. Эту картину иступленного разбоя и наблюдал маленький Такин Кодо Хмаинг, укрывшийся в монастыре Мьядаунг. Английский конвой, рассказывал Такин Кодо Хмаинг, вывез пленного короля из форта не через парад-

ные восточные ворота, а через западные ворота Алави, которые предназначались лишь для выноса покойников. Завоеватели словно заживо хоронили символы суверенитета и независимости страны. В память о жертвах колониального нашествия в Бирме ежегодно отмечают теперь день «Падому хни» — день ссылки короля Тибо.

Проходя по выщербленным каменным плитам, я видел старинные орудия, которые так и не сказали своего слова, когда решались судьбы бирманского государства. Поодаль находится плита, указывающая место, где король Тибо был пленен английскими солдатами. Почти рядом с нею ныне воздвигнут обелиск Независимости, высоко поднявшийся над стенами мандалайской крепости.

«ЧЕРНЫЕ ГРИФЫ» В СУТАНАХ

В одну из поездок по окрестностям Мандалая мы попали в старинный монастырь Махааунгмье в Аве. Разгуливая по территории монастыря, я обра-

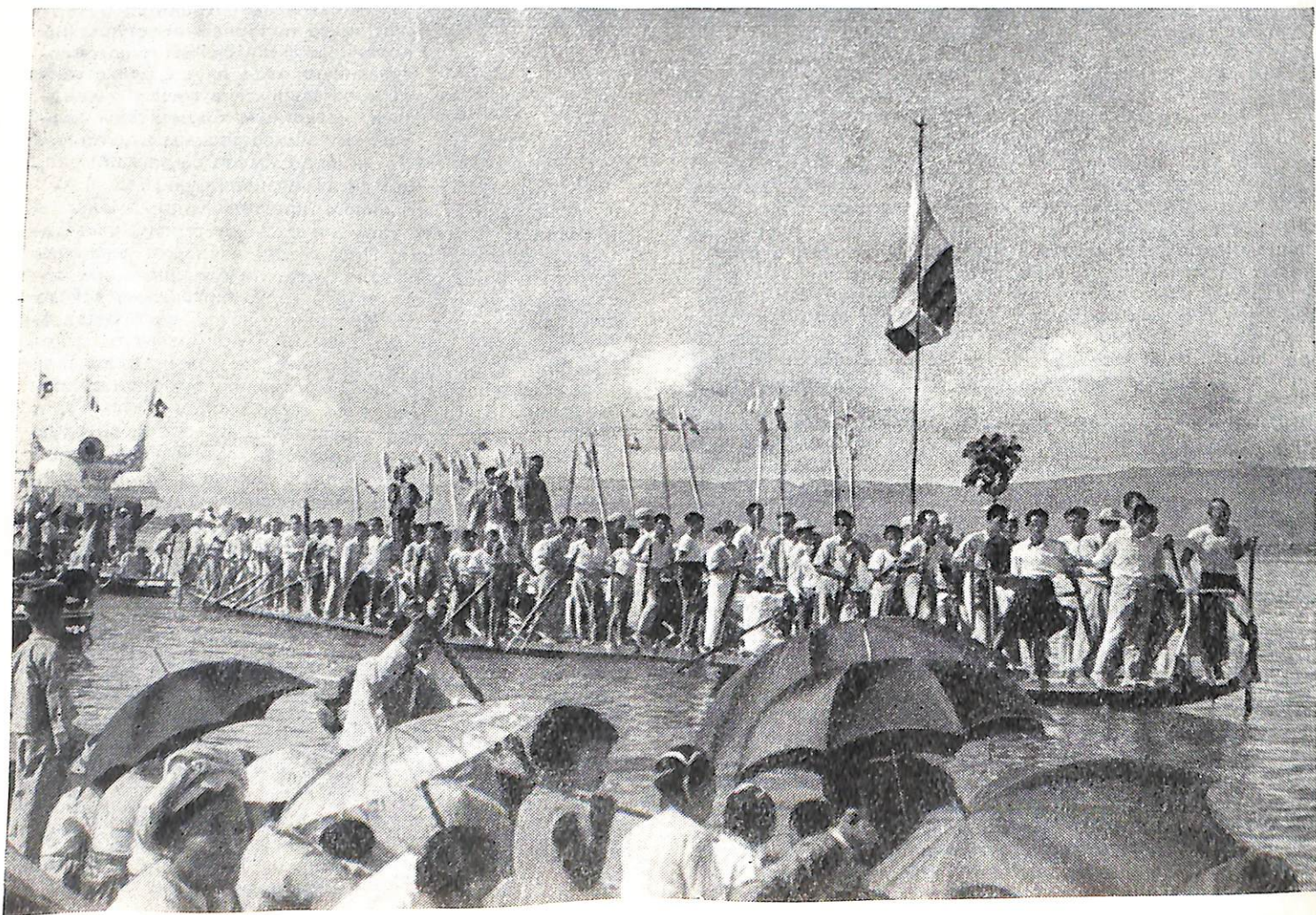
тил внимание на замшелый камень, на котором можно было разобрать надпись, сделанную на английском языке: «В память преподобного Адоринама Джадсона и его супруги Энн Хазелтин, американских баптистских миссионеров».

На обратном пути в Мандалай разговор зашел о Джадсоне и других миссионерах. Кто такой был Джадсон, и почему он так печально кончил свои дни? Об этом рассказал ехавший с нами местный журналист. Джадсон был первым миссионером, которого увидели бирманцы. Он прожил в Бирме много лет и основал здесь первые приходы. Он составил также первый англо-бирманский словарь и научился говорить по-бирмански. «Но уважать наши обычаи Джадсон так и не научился,—заметил журналист.— Да и не для этого, видно, он прибыл в нашу страну. Король Авы Баджидо нашел занятия американского священника небезопасными для своего трона и интересов государства и счел за благо лишить его свободы. Миссионер умер в тюрьме».

Сутана часто служила проповедникам прикрытием для организации заговоров и политических интриг, которые они плели в Бирме. Из дальнейшего

Народный праздник на горном озере Инле в полном разгаре.

Фото автора



разговора мы узнали, что, когда на бирманскую землю вторглись английские войска, миссионеры, чья деятельность субсидировалась правительством США, доносили английскому командованию об обстановке в стране. Они стали разжигать национальную рознь, восстанавливать каренов и другие малые народности против бирманцев. Некоторые из каренов, «обращенные в веру» проповедниками, служили проводниками в английских отрядах. Поэтому после первой англо-бирманской войны король Бирмы строго запретил населению общаться с миссионерами, многие из них были изгнаны. Но они вернулись снова в обозе наступавшей английской армии.

Белые и черные сутаны миссионеров и сейчас мелькают в каренских и шанских деревнях. «Они любят прикидываться друзьями бирманцев. А на самом деле хотели бы держать нас в рабстве», — сказал журналист. Отец Сан Джермено, например, прямо писал, что «бирманцам надо привить покорность и низкопоклонство, свойственное рабам». Можете быть уверены, что все молитвы миссионеров не искупают тех грехов и преступлений, которые совершены ими на бирманской земле. «Взгляните, — вдруг оборвал свою речь наш собеседник. — Видите стаю черных птиц вон на том сухом дереве? Это грифы. Так вот, вся миссионерская братия очень напоминает мне этих хищных птиц». Таким сравнением закончил свой рассказ наш попутчик.

«ВЛАСТИТЕЛИ ЗАХОДЯЩЕГО СОЛНЦА»

Однажды, когда мы сидели в гостинице, наше внимание привлек шум толпы, доносившийся из окон. Выйдя на улицу, мы увидели процессию, участники которой возбужденно что-то кричали. Это христианин, пояснил в ответ на наши недоуменные взгляды стоявший рядом с нами бирманец в широкой клетчатой юбке. Он рассказал, что демонстранты протестуют против законопроекта, объявляющего буддизм государственной религией. Эти люди боятся, как бы не стали притеснять сторонников других религий.

Позднее мы убедились, что религиозные отношения, подчас тесно переплетаясь с политикой, накладывают особый отпечаток на общественную жизнь в Бирме. В дни нашего пребывания в Мандалае местные газеты пестрели сообщениями о волнениях в Аракане, Качинском и Каренском автономных государствах. Массовые демонстрации, вызванные, по словам местных газет, «религиозным антагонизмом», состоялись в Мьитчине, Мусе и других городах. В некоторых случаях наиболее горячие головы даже взялись за оружие и создали вооруженные отряды. Сообщалось, например, что так называемая «армия независимости качинов» вступила в бой с правительственными войсками вблизи города Намкан.

Возникновение беспорядков в горных районах Бирмы не обошлось без участия миссионеров и другой агентуры империалистов. В этой связи в рангунской печати приводились факты, получившие скандальную огласку. Так, стало известно, что предводитель мятежников в Аракане вождь племени по имени Фи Зо связан через миссионеров с американской разведкой. А в Рангуне был арестован лидер Демократической партии Такин Ба Сейн, имевший связи с империалистическими кругами США и чанкайшистскими бандами в Карен-

ском государстве. Агентура чанкайшистов свила себе разбойничье гнездо и в Качинском крае.

Но особенно тревожные вести приходили из Шанского государства, где вспыхнуло сепаратистское восстание. В Шанском государстве насчитывается тридцать три княжества, каждое из которых является по сути дела государством в государстве. Феодалные князья — собуа — до недавнего времени наследовали право держать вооруженные дружины, собирать с крестьян налоги, осуществлять административную и юридическую власть. Но в последнее время феодализм там стал сдавать свои позиции. В апреле 1959 года в столице Шанского государства Таунчжи состоялась официальная церемония отречения собуа от их наследственных прав и привилегий, ставших пережитками истории. Феодалной знати был выплачен крупный выкуп на общую сумму почти в 26 миллионов кьят. Однако многие из князей не захотели смириться с этим. Уже месяц спустя в Шанских горах вспыхнул мятеж, во главе которого встал родственник собуа княжества Кенгтунг — Сао Кун Сейк, бывший майор разведывательной службы английской армии. Нити заговора вели в затерянный в горах северного Таиланда город Чиенгмай, где разместилась ставка блока СЕАТО. Вместе с неким У Ба Тейном, похитившим из бирманской казны 400 тысяч кьят, Сао Кун Сейк сколотил на базах СЕАТО в Таиланде большой вооруженный отряд, с которым и вторгся в Бирму. После нескольких сражений он был разбит, но пламя мятежа через несколько месяцев провозгласили своей силой. Мятежники открыто провозгласили своей целью добиться отделения страны шанов от Бирманского Союза. В этом их активно поддержали империалистические силы СЕАТО.

...Как-то раз на горной тропе пуля настигла лазутчика мятежников. При нем оказалась копия секретного соглашения, подписанного главой шанских сепаратистов Нум Сет Ханом со штабом чанкайшистов. В соглашении речь шла о взаимной поддержке в вооруженной борьбе за отделение Шанского государства от Бирмы и превращение его в плацдарм СЕАТО.

В городах и селах Шанского края прошли многочисленные митинги. Народ решительно осудил заговорщиков и поддержал призыв: «Не разрушайте дом, в котором живете!» К этому времени основные очаги мятежа были подавлены, и бирманская армия провела «операцию Миконг» против чанкайшистских банд, на базах которых было захвачено большое количество американского оружия.

В старину собуа называли «властителями заходящего солнца». Сейчас солнце их былого господства действительно клонится к закату. Вместе с тем исчезает почва для раскола и сепаратизма, для заговоров врагов Бирмы.

Мне довелось быть свидетелем огромного прилива возмущения и гнева, порожденного в народе этими заговорами. Прогрессивные силы создали Национальный комитет борьбы против агрессии империализма и чанкайшистской клики. Комитет имеет отделения по всей стране, и его призывы крепить единство страны и солидарность ее народов находят самый широкий отклик. Я видел грандиозные демонстрации против вмешательства США во внутренние дела Бирмы. Через весь Рангун пронесли демонстранты черный гроб с надписью «труп американского империализма». Около 30 тысяч человек собралось в центре города у монумента Независимости на митинг протеста. И в их голосах слышалась решимость народа отстаивать национальное единство и независимое будущее своей страны.